

Пьеса «Черный человек, или Я, бедный Сосо Джугашвили...», написанная поэтом В. Коркия, — одна из театральных сенсаций года Дракона. Прочсть ее пока негде, но слухом земля полнится: довольно привычная история наших отечественных сенсаций, особый вкус которых зачастую — в некоторой неясности, недовыраженности самого предмета восторгов и хулений. «Новый ход» представляет читателям «СК» поэтический театр В. Коркия. Театр, которого пока как бы и нет. Впрочем, почему нет! Есть сам поэт. Есть творческая программа. И есть... новая пьеса!

СВОБОДА БЕЗ НАТУГИ

Коркия всегда равен самому себе — на поэтическом вечере, в толпе, в одиночестве. Он свободен без усилий — свобода эта давалась дорого, а потому дорогого стоит.

В прежние времена печатали его мало, урывками. Строки его стихотворений, изредка появлявшиеся в журнале «Юность», «Литгазете», читались на одном дыхании. Неприятельские, они оседали в памяти: «Недоушедший, недоживший до жизни истинной своей, вот и живу уже как бывший — из тех, из будущих людей...»

Свобода была в слове, в том, что стремилось стать словом. Его реальность была небогатой и «мелкотемной». Слово саднило, ранило, обличало, того не ведая. Коркия не случайно писал: «Взгляни же на собственный слепок — на мир за окном». На чертановские постройки. На мальчишек, которые жгут листья на пустырях. На пляжи военных, двухнедельные романы и стансы Страстного бульвара. Коркия дорожил этой негромкостью — в ней-то и была свобода.

Ирония и самоирония в те годы были не только личным качеством и свойством Коркии, они стали общественным жестом. Жизнь вокруг него не слагалась в целостный мир — она была дьявольски раздробленной. Убогость открыта высокими словами и нравственными идеалами. Мешанина слов и точек зрения. Винарет из великих

цитат и воззваний. Умышленная ложь рядом с ежедневной безымянной правдой. Восприятие было запорошено словами — неужели ничего в этом мире нельзя назвать единственно по-новому?

Коркия начал со словами стихотворную игру, вышибая «клин клином». Он издевательски сталкивал газетные штампы и затертые строки великих поэтов, ввинченные в речевой обиход обыденного сознания. Когда в ранней молодости поэт написал в шутку о «певце любовной неги», который «младую грацию кадрит», он едва ли предполагал, что в парадоксальном и грубоватом сочетании прорастают его будущие поэтические принципы. Уже позже: «Старуха спит в метро и видит сны, как в полночь Прогрессивные народы сжигают Поджигателей войны».

Эти столкновения рожают опровержения, неожиданные повороты, игру объемами и плоскостями, цитатами и фразами, временем и пространством. В поэтических коллажах Коркии скрыт сильнейший энергетический заряд. Этому слову мало быть напечатанным, оно рвется быть услышанным. В поэтических коллажах Коркии — зерна драматургии.

Коркия написал первый вариант «Сосо...» за две недели — восемь лет тому назад, для собственного удовольствия (а для чего еще можно было писать такую пьесу восемь лет, назад?). Он сочинил игру с персонажами исто-

рии и нашими представлениями о них. Он не соблюдал даже хрестоматийных правил. Потому пьеса его уязвима для критики. Потому эта пьеса ударной силой своего воздействия столь резко отличается от любой другой. Коркия называет ее «паратрагедией» — «пара» значит «за гранью»: паралипсология, паравидение...

Там, где начинают смеяться, — миф ужаса заканчивается. Там, где начинается ерничество, — разлагается вдребезги механизм порабощения воли и ума. И вот уже корчится на сценах страны Сосо в спазмах государственных и поэтических: «Достиг я высшей власти...» И вот уже черный человек Берия отвечает ему: «Еще один, последний протокол...» Поэтические столкновения взрывают и низводят как сами образы, так и наше к ним отношение. Даже те, кто отвергает пьесу, не могут не признать ее фактом раскрепощения и современного общества, и современного человека.

Поэт Виктор Коркия сегодня известен всей стране. Когда-то он написал: «Ах, лишь бы так: дышать не надыхаться. Собой остаться — и не умереть. И даже со словами не смешаться». Как сказано — так и живет, не смешивая себя с налетевшими восторженными словами по собственному адресу.

Мария ИГНАТЬЕВА.

НОЧЬ СВЯТОГО ЛАВРЕНТИЯ

Сталин. Нет! Руки прочь! Ко мне, народы мира! Кто здесь шуршит? Лаврентий! Я читал Про Призрака — он Гамлету отец! Он бродит! По Европе! Он — химера! (Фигуре.) И ты! (Попугаю.) И ты! Лаврентий, расстрелять!

Фигура. Ки, батано.

Сталин. (В зал.) И вы! Вы все — химеры! Всех расстрелять! При мне! До дна! Дыра! Дыра на месте ордена Победы. Дыра, где сердце. Сердце — вот оно, родимое пятно капитализма! Оно растет! Растет! Растет! Иван! Ко мне, народы мира! Трепещите! Переселить в Израиль всех татар и объявить татарам евреям! Немедленно! Вести в Политбюро налог на беспартийность. Я не умер. Я научу вас трепетать! Дыра. Дыра в дыре! Иуды! (Попугаю.) Ты Иуда! (Фигуре.) И ты! (В зал.) И вы — вы все иуды! Все! (Попугаю.) В глаза смотри! Не так! Зрачками в душу! Не в бровь, а в глаз! Иуда! Внутрь себя заглядывает тот, кто умирает. Я умираю! Нет! Христос воскрес!

Попугай. Агония.

Сталин. Воскрес! Из Мавзолея!

Эй, там, зажгите лампу Ильича!

Попугай (Фигуре.) Зажги свечу.

Сталин. Тушите свет. Я — Светоч!

Что в этом пузырьке?

Попугай. Слеза.

Сталин. Моя?

Как светится. Смотрите! Все смотрите!

Нет, всем не покажу. Где граф Толстой?

Фигура. На родину ушел.

Сталин. Куда?

Попугай. В могилу.

Сталин. Не верю! Никому! А Достоевский?

Попугай. В подполье.

Фигура. В мертвом доме.

Сталин. Где?

Попугай. В дыре.

А в этом пузырьке — слеза ребенка.

Сталин. Моя?

Попугай. Твоя, но детская слеза.

Сталин. Сацхали! Дэдико.

Попугай. Ты помнишь детство?

А помнишь, как убил в себе себя?

Не помнишь? Бедный Сосо Джугашвили.

Сталин. Слеза вождя!.. В ней слезы всех детей —

невинных... И невинно убиенных!

Иван — я пью Димитрия слезу!

И Павлика Морозова!..

Фигура. Дай руку.

Сталин. Не смей! Моя рука — рука Москвы!

Попугай. Где руководство по мумификации?

Фигура. Вот краткий курс!

Сталин. Иуды!.. Сталин — бог!

И он воскреснет. Истинно воскреснет!

Воскреснет и грядет! А вы, вы все,

все без меня подохнете.

Не защитит вас занавес железный

и не спасет божественный глагол!

И Мумия воссядет на небесный

освобожденный Господом престол!

А вы, вы все подохнете!

Фигура. Подохнем.

Все, все подохнем, не волнуйся!

Попугай. Спи.

Фигура. Всё или нет?

ТЕ, КОМУ довелось ознакомиться с первой пьесой В. Коркия, с некоторым удивлением обнаружат в новой его драме знакомые персонажи: Сталин, Попугай, Черный человек (он же — Фигура). Да и сама ситуация, кажется, в «Бедном Сосо...» отыграна. Что же тогда «Ночь...» — «вариация на тему»? «Рэмбо-2»? просто автоплагиат?

Сам Коркия полагает, что «Ночь святого Лаврентия» — пьеса совершенно новая. Если угодно — это второе плечо весов, на которых взвешивается важная автору проблема. В «паратрагедии» речь шла о феномене сталинизма; в новой пьесе рассматривается еще более загадочный и мутный феномен любви к тирании: любви, которую автор считает разновидностью духовной порнографии. Отсюда жанровое определение: «порнокомедия».

Суть отрывка: заново разыгрываемая смерть Сталина. Двойная игра — конец Великой Химеры, вокруг которой в минуты агонии кружатся химеры поменьше. Скроюнные щупальца бессильно (или всесильно?) тыкаются во все духовные зазоры, в дыры истории. Призрак Ивана Грозного бродит по лобным пазухам Отца народов. В общем «жизнь играет со смертью, смерть — с жизнью...».